

По эту сторону рая

...По эту сторону рая
Мудрость — опора плохая.

Руперт Брук

Опытom люди называют свои ошибки.

Оскар Уайльд

Книга первая

РОМАНТИЧЕСКИЙ ЭГОИСТ

Глава I

ЭМОРИ, СЫН БЕАТРИСЫ

Эмори Блейн унаследовал от матери все, кроме тех нескольких трудно определенных черточек, благодаря которым он вообще чего-нибудь стоил. Его отец, человек бесхарактерный и безликий, с пристрастием к Байрону и с привычкой дремать над «Британской энциклопедией», разбогател в тридцать лет после смерти двух старших братьев, преуспевающих чикагских биржевиков, и, воодушевленный открытием, что к его услугам весь мир, поехал в Бар-Харбор, где познакомился с Беатрисой О'Хара. В результате Стивен Блейн получил возможность передать потомству свой рост — чуть пониже шести футов — и свою неспособность быстро принимать решения, каковые особенности и проявились в его сыне Эмори. Долгие годы он маячил где-то на заднем плане семейной жизни, безвольный человек с лицом, наполовину скрытым прямыми шелковистыми волосами, вечно поглощенный «заботами» о жене, вечно снедаемый сознанием, что он ее не понимает и не в силах понять.

Зато Беатриса Блейн, вот это была женщина! Ее давнишние снимки — в отцовском поместье в Лейк-Джинева, штат Висконсин, или в Риме, у монастыря Святого Сердца — роскошная деталь воспитания, доступного в то время только дочерям очень богатых родителей, — запечатлели восхитительную тонкость ее черт, законченную изысканность и простоту ее туалетов. Да, это было блестящее воспитание, она провела юные годы в лучах Ренессанса, приобщилась к последним сплетням о всех старинных римских семействах, ее, как баснословно богатую юную американку, знали по имени кардинал Витори и королева Маргарита, не говоря уже о менее явных знаменитостях, о которых и услышать-то можно было, только обладая определенной культурой. В Англии она научилась предпочитать вино виски с содовой, а за зиму, проведенную в Вене, ее светская болтовня стала и разнообразнее и смелее. Словом, Беатрисе О'Хара досталось в удел

воспитание, о каком в наши дни нельзя и помыслить; образование, измеряемое количеством людей и явлений, на которые следует взирать свысока или же с благоговением; культура, вмещающая все искусства и традиции, но ни единой идеи. Это было в самом конце той эпохи, когда великий садовник срезал с куста все мелкие неудавшиеся розы, чтобы вывести один безупречный цветок.

В каком-то промежутке между двумя захватывающими сезонами она вернулась в Америку, познакомилась со Стивеном Блейном и вышла за него замуж — просто потому, что немножко устала, немножко загрустила. Своего единственного ребенка она носила томительно скучную осень и зиму и произвела на свет весенним днем 1896 года.

В пять лет Эмори уже был для нее прелестным собеседником и товарищем. У него были каштановые волосы, большие красивые глаза, до которых ему предстояло дорасти, живой ум, воображение и вкус к нарядам. С трех до девяти лет он объездил с матерью всю страну в личном салон-вагоне ее отца — от Коронадо, где мать так скучала, что с ней случился нервный припадок в роскошном отеле, до Мехико-Сити, где она заразилась легкой формой чахотки. Это недомогание пришлось ей по вкусу, и впоследствии она, особенно после нескольких рюмок, любила пользоваться им как элементом атмосферы, которой себя окружала.

Таким образом, в то время как не столь удачливые богатые мальчики воевали с гувернантками на взморье в Ньюпорте, в то время как их шлепали и журили и читали им вслух «Держай и сделай» и «Фрэнка на Миссисипи», Эмори кусал безропотных малолетних рассыльных в отеле «Уолдорф», преодолевал врожденное отвращение к камерной и симфонической музыке и подвергался в высшей степени выборочному воспитанию матери.

— Эмори!

— Что, Беатриса? (Она сама захотела, чтобы он так странно ее называл.)

— Ты и не думай еще вставать, милый. Я всегда считала, что рано вставать вредно для нервов. Клотильда уже распорядилась, чтобы завтрак принесли тебе в номер.

— Ладно.

— Я сегодня чувствую себя очень старой, Эмори, — вздыхала она, и лицо ее застывало в страдании, подобно прекрасной камее, голос искусно замирал и повышался, а руки взлетали выразительно, как у Сары Бернар. — Нервы у меня вконец издерганы. Завтра мы уедем из этого ужасного города, поищем где-нибудь солнца.

Сквозь спутанные волосы Эмори поглядывал на мать своими пронизательными зелеными глазами. Он уже тогда не обольщался на ее счет.

— Эмори!

— Ну что?

— Тебе необходимо принять горячую ванну — как можно горячее, как сможешь терпеть, и дать отдых нервам. Если хочешь, можешь взять в ванну книжку.

Ему еще не было десяти, когда она пичкала его фрагментами из «Fêtes galantes»¹ Дебюсси; в одиннадцать лет он бойко, хотя и с чужих слов, рассуждал о Брамсе, Моцарте и Бетховене. Как-то раз, когда его оставили одного в отеле, он отведал абрикосового ликера, которым поддерживала себя мать, и, найдя его вкусным, быстро опьянел. Сначала было весело, но на радостях он попробовал и закурить, что вызвало вульгарную, самую плебейскую реакцию. Этот случай привел Беатрису в ужас, однако же втайне и позабавил ее, и она, как выразилось бы следующее поколение, включила его в свой репертуар.

— Этот мой сынишка, — сообщила она однажды при нем целому сборищу женщин, внимавших ей со страхом и восхищением, — абсолютно все понимает и вообще очарователен, но вот здоровье у него слабее... У нас ведь у всех слабее здоровье. — Ее рука сверкнула белизной на фоне красивой груди, а потом, понизив голос до шепота, она рассказала про ликер. Гости смеялись, потому что рассказывала она отлично, но несколько буфетов было в тот вечер заперто на ключ от возможных поползновений маленьких Бобби и Бетти...

Семейные паломничества неизменно совершались с помпой: две горничные, салон-вагон (или мистер Блейн, когда он оказывался под рукой) и очень часто — врач. Когда Эмори болел коклюшем, четыре специалиста, рассевшись вокруг его кровати, бросали друг на друга злобные взгляды; когда он подхватил скарлатину, число служающих, включая врачей и сиделок, достигло четырнадцати. Но, несмотря на это, он все же выздоровел.

Имя Блейн не было связано ни с одним из больших городов. Они были известны как Блейны из Лейк-Джинева; взамен друзей им вполне хватало многочисленной родни, и они пользовались весом везде — от Пасадены до мыса Код. Но Беатриса все больше и больше тяготела к новым знакомствам, потому что некоторые свои рассказы, как, например, о постепенной эволюции своего организма или о жизни за границей, ей через определенные про-

---

¹ «Галантные праздники» (фр.).

межутки времени требовалось повторять. Согласно Фрейдю, от этих тем, как от навязчивых снов, нужно было избавляться, чтобы не дать им завладеть ею и подточить ее нервы. Но к американкам, особенно к кочевому племени уроженок Запада, она относилась критически.

— Их невозможно слушать, милый, — объясняла она сыну. — Они говорят не как на Юге и не как в Бостоне, их говор ни с какой местностью не связан, просто какой-то акцент... — Начиналась игра фантазии. — Они откапывают какой-нибудь обветшалый лондонский акцент, давно оставшийся не у дел, — надо же кому-то его приютить. Говорят, как английский дворецкий, который несколько лет прослужил в оперной труппе в Чикаго. — Дальше шло уже почти непонятное. — Наверно... период в жизни каждой женщины с Запада... чувствует, что ее муж достаточно богат, чтобы ей уже можно было обзавестись акцентом... они пытаются пускать мне пыль в глаза, *мне*...

Собственное тело представлялось ей клубком всевозможных болезней, однако свою душу она тоже считала больной, а значит — очень важной частью себя. Когда-то она была католичкой, но, обнаружив, что священники слушают ее гораздо внимательнее, когда она готова либо вот-вот извериться в матери-церкви, либо вновь обрести веру в нее, — удерживалась на неотразимо шаткой позиции. Порой она сетовала на буржуазность католического духовенства в Америке и утверждала, что, доведись ей жить под сенью старинных европейских соборов, ее душа по-прежнему горела бы тонким язычком пламени на могущественном престоле Рима. В общем, священники были, после врачей, ее любимой забавой.

— Ах, епископ Уинстон, — заявляла она, — я вовсе не хочу говорить о себе. Воображаю, сколько истеричек толпится с просьбами у вашего порога, зная, какой вы симпатико... — Потом, после паузы, заполненной репликой священника: — Но у меня, как ни странно, совсем иные заботы.

Только тем священнослужителям, что носили сан не ниже епископского, она поверяла историю своего клерикального романа. Давным-давно, только что вернувшись на родину, она встретила в Ашвилле молодого человека суинберновско-языческого толка, чьи страстные поцелуи и недвусмысленные речи не оставили ее равнодушной. Они обсудили все «за» и «против» как интеллигентные влюбленные, без тени сентиментальности, и в конце концов она решила выйти замуж в соответствии со своим общественным положением, а он пережил духовный кризис, принял католичество и теперь звался монсеньор Дарси.

— А знаете, миссис Блейн, он ведь и сейчас еще интереснейший человек, можно сказать — правая рука кардинала.

— Когда-нибудь, я уверена, Эмори обратится к нему за советом, — лепетала красавица, — и монсеньор Дарси поймет его, как понимал меня.

К тринадцати годам Эмори сильно вытянулся и стал еще больше похож на свою мать — ирландку. Время от времени он занимался с учителями, — считалось, что в каждом новом городе он должен «продолжать с того места, где остановился». Но поскольку ни одному учителю не удалось выяснить, где именно он остановился, голова его еще не была сверх меры забита знаниями. Трудно сказать, что бы из него получилось, если бы такая жизнь тянулась еще несколько лет. Но через четыре часа после того, как они с матерью отплыли в Италию, у него обнаружился запущенный аппендицит — скорее всего, от частых завтраков и обедов в постели, — и в результате отчаянных телеграмм в Европу и в Америку, к великому изумлению пассажиров, огромный пароход повернул обратно к Нью-Йорку, и Эмори был высажен на мол. Согласитесь, что это было великолепно, если и не слишком разумно.

После операции у Беатрисы был нервный срыв, подозрительно смахивающий на белую горячку, и Эмори на два года оставили в Миннеаполисе у дяди с теткой. И там его застигла, можно сказать, врасплох грубая, вульгарная цивилизация американского Запада.

ЭПИЗОД С ПОЦЕЛУЕМ

Он читал, презрительно кривя губы:

«Мы устраиваем катанье на санях в четверг семнадцатого декабря. Надеюсь, что и Вы сможете поехать. Приходите к пяти часам.

Преданная Вам

Майра Сен-Клер».

Он прожил в Миннеаполисе два месяца и все это время заботился главным образом о том, чтобы другие мальчики в школе не заметили, насколько выше их он себя считает. Однако убеждение это зиждилось на песке. Однажды он отличился на уроке французского (французским он занимался в старшем классе), к великому конфузу мистера Рирдона, над чьим произношением он высокомерно издевался, и к восторгу всего класса. Мистер Рирдон, который десять лет назад провел несколько недель в Пари-

же, стал в отместку на каждом уроке гонять его по неправильным глаголам. Но в другой раз Эмори решил отличиться на уроке истории, и тут последствия были самые плачевные, потому что его окружали сверстники, и они потом целую неделю громко перекрикивались, утрируя его столичные замашки: «На мой взгляд... э-э-э... в американской революции были заинтересованы главным образом средние классы...», или: «Вашингтон происходил из хорошей семьи, да, насколько мне известно, из очень хорошей семьи...»

Чтобы спастись от насмешек, Эмори даже пробовал нарочно ошибаться и путать. Два года назад он как раз начал читать одну книгу по истории Соединенных Штатов, которую, хоть она и доходила только до Войны за независимость, его мать объявила прелестной.

Хуже всего дело у него обстояло со спортом, но, убедившись, что именно спортивные успехи обеспечивают мальчику влияние и популярность в школе, он тут же стал тренироваться с яростным упорством — изо дня в день, хотя лодыжки у него болели и подвергывались, совершал на катке круг за кругом, стараясь хотя бы научиться держать хоккейную клюшку так, чтобы она не цеплялась все время за коньки.

Приглашение мисс Майры Сен-Клер пролежало все утро у него в кармане, где пришло в тесное соприкосновение с пыльным остатком липкой ореховой конфеты. Во второй половине дня он извлек его на свет божий, обдумал и, набросав предварительно черновик на обложке «Первого года обучения латинскому языку» Коллара и Дэниела, написал ответ:

«Дорогая мисс Сен-Клер!

Ваше прелестное приглашение на вечер в будущий четверг доставило мне сегодня утром большую радость. Буду счастлив увидеться с Вами в четверг вечером.

Преданный Вам

Эмори Блейн».

И вот в четверг он задумчиво прошагал к дому Майры по скользким после скребков тротуарам и подошел к подъезду в половине шестого, решив, что именно такое опоздание одобрила бы его мать. Позвонив, он ждал на пороге, томно полужакрыв глаза и мысленно репетируя свое появление. Он без спешки пройдет через всю комнату к миссис Сен-Клер и произнесет с безошибочно правильной интонацией:

«Дорогая миссис Сен-Клер, простите ради бога за опоздание, но моя горничная... — он осекся, сообразив, что это было бы пла-

гиатом, — но мой дядя непременно хотел представить меня одному человеку... Да, с вашей прелестной дочерью мы познакомились в танцклассе».

Потом он пожмет всем руку, слегка, на иностранный манер поклонится разряженным девочкам и небрежно кивнет ребятам, которые будут стоять, сбившись тесными кучками, чтобы не дать друг друга в обиду.

Дверь отворил дворецкий (один из трех во всем Миннеаполисе). Эмори вошел и снял пальто и шапку. Его немного удивило, что из соседней комнаты не слышно хора визгливых голосов, но он тут же решил, что прием сегодня торжественный, официальный. Это ему понравилось, как понравился и дворецкий.

— Мисс Майра, — сказал он.

К его изумлению, дворецкий нахально ухмыльнулся.

— Да, она-то дома, — выпалил он, неудачно подражая говору английского простолюдина.

Эмори окинул его холодным взглядом.

— Только, кроме нее-то, никого дома нет. — Голос его без всякой надобности зазвучал громче. — Все уехали.

Эмори даже ахнул от ужаса.

— Как?!

— Она осталась ждать Эмори Блейна. Скорее всего, это вы и есть? Мать сказала, если вы заявитесь до половины шестого, чтобы вам двоим догонять их в «паккарде».

Отчаяние Эмори росло, но тут появилась и Майра, закутанная в меховую накидку, — лицо у нее было недовольное, вежливый тон давался ей явно с усилием.

— Привет, Эмори.

— Привет, Майра. — Он дал ей понять, что угнетен до крайности.

— Все-таки добрался наконец.

— Я сейчас тебе объясню. Ты, наверно, не слышала про автомобильную катастрофу.

Майра широко раскрыла глаза.

— А кто счал?

— Дядя, тетя и я, — бухнул он с горя.

— И кто-нибудь убит?

Он помедлил и кивнул головой.

— Твой дядя?

— Нет, нет, только лошадь... такая, серая.

Тут мужлан-дворецкий поперхнулся от смеха.

— Небось лошадь убила мотор, — подсказал он.

Эмори не задумываясь послал бы его на плаху.

— Ну, мы уезжаем, — сказала Майра спокойно. — Понимаешь, Эмори, сани были заказаны на пять часов, и все уже собрались, так что ждать было нельзя...

— Но я же не виноват...

— Ну и мама велела мне подождать до половины шестого. Мы догоним их еще по дороге к клубу «Миннегага».

Последние остатки притворства слетели с Эмори. Он представил себе, как сани, звеня бубенцами, мчатся по заснеженным улицам, как появляется лимузин, как они с Майрой выйдут из него под укоряющими взглядами шестидесяти глаз, как он приносит извинения... на этот раз не выдуманные. Он громко вздохнул.

— Ты что? — спросила Майра.

— Да нет, я просто зевнул. А мы наверняка догоним их еще по дороге?

У него зародилась слабая надежда, что они проскользнут в клуб «Миннегага» первыми и там встретят остальных, как будто уже давно устали ждать, сидя у камина, и тогда престиж его будет восстановлен.

— Ну конечно, конечно, догоним. Только не копайся.

У него засосало под ложечкой. Садясь в автомобиль, он наскоро подмешал дипломатии в только что зародившийся сокрушительный план. План был основан на чьем-то отзыве, кем-то переданном ему в танцклассе, что он «здорово красивый и что-то в нем есть английское».

— Майра, — сказал он, понизив голос и тщательно выбирая слова. — Прости меня, умоляю. Ты можешь меня простить?

Она серьезно поглядела на него, увидела беспокойные зеленые глаза и губы, казавшиеся ей, тринадцатилетней читательнице модных журналов, верхом романтики. Да, Майра с легкостью могла его простить.

— Н-ну... В общем, да.

Он снова взглянул на нее и опустил глаза. Своим ресницам он тоже знал цену.

— Я ужасный человек, — сказал он печально. — Не такой, как все. Сам не знаю, почему я совершаю столько оплошностей. Наверно, потому, что мне все — все равно. — Потом, беспечно: — Слишком много курю последнее время. Отразилось на сердце.

Майра представила себе ночную оргию с курением и Эмори, бледного, шатающегося, с отравленными никотином легкими. Она негромко вскрикнула:

— Ой, Эмори, не надо курить, ну пожалуйста. Ты же перестанешь расти.

— А мне все равно, — повторил он мрачно. — Бросить я не могу. Привык. Я много делаю такого, что если б узнали мои родственники... На прошлой неделе я ходил в театр-варьете.

Майра была потрясена. Он опять взглянул на нее зелеными глазами.

— Из всех здешних девочек только ты мне нравишься, — воскликнул он с чувством. — Ты симпатико.

Майра не была в этом уверена, но звучало слово модно, хотя почему-то и неприлично.

На улице уже сгустилась темнота. Лимузин круто свернул, и Майру бросило к Эмори. Их руки соприкоснулись.

— Нельзя тебе курить, Эмори, — прошептала она. — Неужели ты сам не понимаешь?

Он покачал головой.

— Никому до меня нет дела.

Майра сказала не сразу:

— Мне есть.

Что-то шевельнулось в его сердце.

— Еще чего! Ты влюблена в Фрогги Паркера, это всем известно.

— Неправда, — произнесла она медленно — и замолчала.

Эмори ликовал. В Майре, уютно отгороженной от холодной, туманной улицы, было что-то неотразимое. Майра, клубочек из меха, и желтые прядки выются из-под спортивной шапочки.

— Потому что я тоже влюблен... — Он умолк, услышав вдали взрывы молодого смеха, и, прильнув к замерзшему стеклу, разглядел под уличными фонарями темные контуры саней. Нужно действовать немедленно. С усилием он подался вперед и схватил Майру за руку — вернее, за большой палец.

— Скажи ему, пусть едет прямо в «Миннегагу», — шепнул он. — Мне нужно с тобой поговорить, обязательно.

Майра тоже разглядела сани с гостями, на секунду представила себе лицо матери, а потом — прощай строгое воспитание! — еще раз заглянула в те глаза.

— Здесь сверните налево, Ричард, и прямо к клубу «Миннегага!» — крикнула она в переговорную трубку.

Эмори со вздохом облегчения откинулся на подушки.

«Я могу ее поцеловать, — подумал он. — В самом деле могу. Честное слово».

Небо над головой было где чистое как стекло, где туманное, холодная ночь вокруг напряженно вибрировала. От крыльца загородного клуба тянулись вдаль дороги — темные складки на белом одеяле, и высокие сугробы окаймляли их, словно отмечая

путь гигантских кротов. Они постояли на ступеньках, глядя на белую зимнюю луну.

— Такие вот бледные луны... — Эмори неопределенно повел рукой, — облакают людей таинственностью. Ты сейчас похожа на молодую колдунью без шапки, растрепанную... — Ее руки потянулись пригладить волосы. — Нет, не трогай, так очень красиво.

Они не спеша поднялись на второй этаж, и Майра провела его в маленькую гостиную, как раз такую, о какой он мечтал, где стоял большой низкий диван, а перед ним уютно потрескивал огонь в камине. Несколько лет спустя комната эта стала для Эмори подмостками, колыбелью многих эмоциональных коллизий. Сейчас они поговорили о катании с гор.

— Всегда бывает парочка стеснительных ребят, — рассуждал он, — они садятся на санки сзади, перешептываются и норовят столкнуть друг друга в снег. И всегда бывает какая-нибудь косоглазая девчонка, вот такая, — он скорчил жуткую гримасу, — та все время дерзит взрослым.

— Странный ты мальчик, — задумчиво сказала Майра.

— Чем? — Теперь он был весь внимание.

— Да вечно болтаешь что-то непонятное. Пойдем завтра на лыжах со мной и с Мэрилин?

— Не люблю девочек при дневном свете, — отрезал он и тут же, спохватившись, что это слишком резко, добавил: — Ты-то мне нравишься. — Он откашлялся. — Ты у меня на первом, на втором и на третьем месте.

Глаза у Майры стали мечтательные. Рассказать про это Мэрилин — вот удивится! Как они сидели на диване с этим необыкновенным мальчиком, и камин горел, и такое чувство, будто они одни во всем этом большущем доме.

Майра сдалась. Очень уж располагающая была обстановка.

— Ты у меня от первого места до двадцать пятого, — призналась она дрожащим голосом, — а Фрогги Паркер на двадцать шестом.

За один час Фрогги потерял двадцать пять очков, но он еще не успел это заметить.

Эмори же, будучи на месте, наклонился и поцеловал Майру в щеку. Он еще никогда не целовал девочки и теперь облизал губы, словно только что попробовал какую-то незнакомую ягоду. Потом их губы легонько соприкоснулись, как полевые цветы на ветру.

— Нельзя так, — радостно шепнула Майра. Она нашарила его руку, склонилась головой ему на плечо.

Внезапно Эмори охватило отвращение, все стало ему гадко, противно. Хотелось убежать отсюда, никогда больше не видеть Майру, никогда больше никого не целовать; он словно со стороны увидел свое лицо и ее, их сцепившиеся руки и жаждал одного — вылезти из собственного тела и спрятаться подальше, в укромном уголке сознания.

— Поцелуй меня еще раз. — Ее голос донесся из огромной пустоты.

— Не хочу, — услышал он свой ответ.

Снова молчание.

— Не хочу, — повторил он со страстью.

Майра вскочила, щеки ее пылали от оскорбленного самолюбия, бант на затылке негодуяще трепыхался.

— Я тебя ненавижу! — крикнула она. — Не смей больше со мной разговаривать!

— Что? — растерялся он.

— Я скажу маме, что ты меня поцеловал. Скажу, скажу, и она запретит мне с тобой водиться.

Эмори встал и беспомощно смотрел на нее, точно видел перед собой живое существо, совершенно незнакомое и нигде не описанное.

Дверь отворилась, на пороге стояла мать Майры, доставая из сумочки лорнет.

— Ну вот, — начала она приветливо, поднося лорнет к глазам. — Портъе так и сказал мне, что вы, наверно, здесь... Здравствуйте, Эмори.

Эмори смотрел на Майру и ждал взрыва, но взрыва не последовало. Сердитое лицо разгладилось, румянец сбежал с него, и, когда она отвечала матери, голос ее был спокоен, как озеро под летним солнцем.

— Мы так поздно выехали, мама, я подумала, что нет смысла...

Снизу донесся звонкий смех и сладковатый запах горячего шоколада и пирожных. Эмори молча стал спускаться по лестнице вслед за матерью и дочерью. Звуки граммофона сливались с девичьими голосами, которые негромко вели мелодию, и словно налетело и окутало его теплое светящееся облако.

Кейси Джонс опять залез в кабину,

Кейси Джонс — работай, не зевай...

Кейси Джонс опять залез в кабину

И последним перегоном двинул в рай¹.

---

¹ Здесь и далее все стихотворные переводы выполнены В. Роговым.

МОМЕНТАЛЬНЫЕ СНИМКИ ЮНОГО ЭГОИСТА

В Миннеаполисе Эмори провел почти два года. В первую зиму он носил мокасины, которые при рождении были желтыми, но после неоднократной обработки растительным маслом и грязью приобрели нужный зеленовато-коричневый оттенок; а также толстое, серое в клетку пальто и красную спортивную шапку. Красную шапку съела его собака по кличке Граф дель Монте, и дядя подарил ему серый вязанный шлем, очень неудобный: в него приходилось дышать, и дыхание замерзло, один раз он этой гадостью отморозил щеку, и, как ни оттирал ее снегом, она все равно посинела.

Граф дель Монте как-то съел коробку синьки, но это ему не повредило. А через некоторое время он сошел с ума и понесся по улице, натываясь на заборы, катаясь в канавах, да так навсегда и умчался безумным аллюром из жизни Эмори. Эмори бросился на кровать и заплакал.

— Бедный маленький Граф! — плакал он. — Бедный, бедный маленький Граф!

Несколько месяцев спустя ему пришло в голову, что сцена сумасшествия была Графом разыграна, и очень ловко.

Самым мудрым изречением в мировой литературе Эмори и Фрог Паркер почитали одну реплику из третьего действия пьесы «Арсен Люпен». И в среду и в субботу они сидели на дневном спектакле в первом ряду. Изречение было такое:

«Если человек неспособен стать великим артистом или великим полководцем, самое лучшее для него — стать великим преступником».

Эмори опять влюбился и сочинил стихи. Вот такие:

Их две, а я один —
Люблю и Салли, и Мэрилин.
Хоть Салли очень хороша,
Но к Мэрилин лежит душа.

Его интересовало, первое или второе место займет Макговерн из Миннесоты на всеамериканских футбольных состязаниях, как показывать фокусы с картами и с монетой, галстуки «хамелеон», как родятся дети и правда ли, что Трехпалый Браун как подающий сильнее Кристи Мэтьюсона.

Прочел он, среди прочих, следующие произведения: «За честь школы», «Маленькие женщины» (два раза), «Обычное право»,

«Сафо», «Грозный Дэн Макгру», «Широкая дорога» (три раза), «Падение дома Эшеров», «Три недели», «Мэри Уэр, подружка полковника», «Гунга Дин», «Полицейская газета» и «Сборник лучших острот и шуток».

В истории он следовал пристрастиям Хенти и очень любил веселые рассказы с убийствами, которые писала Мэри Робертс Рейнхарт.

Школа испортила ему французский язык и привила отвращение к литературным корифеям. Учителя считали, что он ленив, неоснователен и знания у него поверхностные.

Многие девочки дарили ему прядки волос. Некоторые давали поносить свои колечки, но потом перестали, потому что у него была нервная привычка покусывать их, держа палец у губ, а это вызывало ревнивые подозрения у последующих счастливых.

Летом Эмори и Фрог Паркер каждую неделю ходили в театр. После спектакля, овеянные благоуханием августовского вечера, шли в веселой толпе домой по Хеннепин и по Николетт-авеню и мечтали. Эмори дивился, как это люди не замечают, что он — мальчик, рожденный для славы, и, когда прохожие оборачивались на него и бесцеремонно встречались с ним глазами, напускал на себя самый романтический вид и ступал по воздушным подушкам, которыми устлан асфальт для четырнадцатилетних.

И всегда, улегшись в постель, он слышал голоса — смутные, замирающие, чудесные — совсем близко, прямо за окном, а перед тем как уснуть, видел один из своих любимых, им же придуманных снов: либо о том, как он становится знаменитым полузащитником, либо про вторжение японцев и как в награду за боевые заслуги его производят в чин генерала — самого молодого генерала в мире. Во сне он всегда кем-то становился, а не просто был. В этом очень точно выражался его характер.

КОДЕКС ЮНОГО ЭГОИСТА

До того как его вытребовали обратно в Лейк-Джинева, он, робея, но не без тайного ликования, облекся в первые длинные брюки, а к ним — лиловый плиссированный галстук, воротничок «бельмонт» с плотно сходящимися на горле концами, лиловые носки и носовой платок с лиловой каймой, выглядывающий из нагрудного кармашка. И, что еще важнее, он выработал для себя

кодекс, или свою первую философскую систему, которую вернее всего будет определить как аристократический эгоцентризм.

Он пришел к выводу, что самые важные его интересы совпадают с интересами некоего непостоянного, изменчивого человека, именуемого — дабы не отрывать его от прошлого — Эмори Блейном. Он установил, что ему повезло в жизни, поскольку он способен бесконечно развиваться и в хорошую, и в дурную сторону. Он не приписывал себе «сильный характер», но полагался на свои способности (заучиваю быстро) и на свое умственное превосходство (читаю уйму серьезных книг). Он гордился тем, что никогда не достигнет высот ни в технике, ни в точных науках. Все же остальные пути для него открыты.

Наружность. Эмори полагал, что он на редкость красив. Так оно, впрочем, и было. Он уже видел себя многообещающим спортсменом и искусным танцором.

Положение в обществе. Тут, пожалуй, таилась самая большая опасность. Однако он не отказывал себе в оригинальности, обаянии, магнетизме, умении затмить любого сверстника и очаровать любую женщину.

Ум. В этом смысле он ощущал свое явное, неоспоримое превосходство.

Далее придется выдать один секрет. Эмори был наделен чуть ли не пуританской совестью. Не то чтобы он слушался ее — в позднейшие годы он почти окончательно ее задушил, — но в пятнадцать лет она ему подсказывала, что он намного хуже других мальчиков... беззастенчивость... желание влиять на окружающих во всем, даже в дурном... известная холодность и недостаток доброты, порой граничащий с жестокостью... зыбкое чувство чести... несправедное себялюбие... опасливый, неотвязный интерес к вопросам пола.

И еще — все его существо пронизывала какая-то недостойная слабость. Резкое слово, брошенное мальчиком старше его годами (а они, как правило, терпеть его не могли), грозило выбить у него почву из-под ног, повергнуть его в хмурую настороженность или в трусливый идиотизм... он был рабом собственных настроений и сознавал, что хотя и способен проявить бесшабашную дерзость, однако лишен и настоящей храбрости, и упорства, и самоуважения.

Тщеславие, умеряемое если не знанием себя, то недоверием к себе, ощущение, что люди подвластны ему, как автоматы, желание «обогнать» возможно больше мальчиков и достичь некой туманной вершины мира — с таким багажом Эмори вступал в годы юности.

НАКАНУНЕ ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕН

Поезд, разморенный летней жарой, медленно остановился у платформы в Лейк-Джинева, и Эмори увидел мать, поджидавшую его в своем электромобиле. Мотор был старый, одной из первых марок, серого цвета. Увидев, как грациозно и прямо она сидит и как на ее прекрасном, чуть надменном лице заиграла легкая, полузабытая им улыбка, он вдруг почувствовал, что безмерно гордится ею. Когда он, обменявшись с ней сдержанным поцелуем, залезал в автомобиль, его кольнул страх — не утратил ли он обаяния, необходимого, чтобы держаться на ее уровне.

— Милый мальчик, ты так вырос... Посмотри-ка, не едет ли что-нибудь сзади.

Она бросила взгляд направо, налево и двинулась вперед со скоростью две мили в час, умоляя Эмори быть начеку; а на одном оживленном перекрестке велела ему выйти и бежать вперед, чтобы очистить ей дорогу, как делают постовые полисмены. Беатриса была, что называется, осторожным водителем.

— Ты сильно вырос, но по-прежнему очень красив, ты перешагнул через нескладный возраст — а может быть, это шестнадцать лет? — или четырнадцать, или пятнадцать — всегда забываю, но ты через него перешагнул.

— Не конфузь меня, — еле слышно сказал он.

— Но, дорогой мой, как ты странно одет! Все словно подобрано в тон, или это нарочно? А белье на тебе тоже лиловое?

Эмори невежливо хмыкнул.

— Тебе нужно будет съездить к Бруксу, заказать сразу несколько приличных костюмов. Мы с тобой побеседуем сегодня вечером или, может быть, завтра вечером. Я хочу все выяснить насчет твоего сердца — ты, наверно, запустил свое сердце и сам этого не знаешь.

Эмори подумал, какую непрочную печать наложило на него общение со сверстниками. Оказалось, что, если не считать некоторой робости, его прежнее взрослое сродство с матерью несколько не ослабло. И все же первые дни он бродил по саду и по берегу озера в состоянии предельного одиночества, черпая какую-то дремотную отраду в том, что курил в гараже дешевый табак с одним из шоферов.

По шестидесяти акрам поместья были во множестве разбросаны старые и новые беседки, фонтаны и белые скамейки, неожиданно возникавшие в тенистых уголках; жило там обширное и неуклонно растущее семейство белых кошек — они рыскали по

клубам, а вечерами внезапно появлялись светлыми пятнами на фоне темных деревьев. На одной из дорожек среди этих темных деревьев Беатриса наконец и наступила Эмори, после того как мистер Блейн, по своему обыкновению, удалился на весь вечер к себе в библиотеку. Побранив его за то, что он ее избегает, она вовлекла его в длинный интимный разговор при лунном свете. Его снова и снова поражала ее красота, которую он унаследовал, ее прелестная шея и плечи, грация богатой тридцатилетней женщины.

— Эмори, милый, — ворковала она, — после того как мы с тобой расстались, я пережила такое странное, нереальное время.

— В самом деле, Беатриса?

— Когда у меня в последний раз был нервный срыв... — она говорила об этом, как о геройском подвиге, — доктор сказал мне... — голос запел в доверительном регистре, — что любой мужчина, если бы он шил так же упорно, как я, буквально погубил бы свой организм и уже давно сошел бы в могилу, вот именно, милый, в могилу.

Эмори поморщился и попробовал вообразить, как воспринял бы такие слова Фрогги Паркер.

— Да, — продолжала Беатриса на трагических нотах, — меня посещали сны — изумительные видения. — Она прижала ладони к глазам. — Я видела, как бронзовые реки плещутся о мраморные берега, а в воздухе парят огромные птицы — разноцветные, с переливчатым оперением. Я слышала странную музыку и рев дикарских труб... что?

Это у Эмори вырвался смешок.

— Что ты сказал, Эмори?

— Я сказал, а дальше что, Беатриса?

— Вот и все, но это бесконечно повторялось — сады такой яркой расцветки, что наш по сравнению показался бы однотонным, луны, которые плясали и кружились, бледнее, чем зимние луны, золотистее, чем летние...

— А сейчас ты совсем здорова, Беатриса?

— Здорова — насколько это для меня возможно. Меня никто не понимает, Эмори. Я знаю, что не сумею это выразить словами, но... меня никто не понимает.

Эмори даже взволновался. Он обнял мать и тихонько потерся головой о ее плечо.

— Бедная, бедная Беатриса.

— Расскажи мне о себе, Эмори. Тебе эти два года жилось ужасно?

Он хотел было соврать, но передумал.

— Нет, Беатриса. Мне жилось хорошо. Я приспособился к буржуазии. Стал жить как все. — Он сам удивился своим словам

и представил себе изумленную физиономию Фрогги. — Беатриса, — начал он вдруг. — Я хочу уехать куда-нибудь учиться. В Минне-аполисе все уезжают в школу.

— Но тебе только пятнадцать лет.

— Ну что ж, в школу все уезжают в пятнадцать лет, а мне так хочется!

Беатриса тогда предложила оставить этот разговор до другого раза, но неделю спустя она, к его великой радости, заговорила сама:

— Эмори, я решила, пусть будет по-твоему. Если ты не раздумал, можешь ехать в школу.

— Правда?

— В Сент-Реджис, в Коннектикуте.

У Эмори даже сердце забилося.

— Я уже списалась с кем нужно, — продолжала Беатриса. — Тебе и правда лучше уехать. Я бы предпочла, чтобы ты поехал в Итон, а потом учился в Оксфорде, в колледже Христовой Церкви, но сейчас это неосуществимо, а насчет университета пока можно не решать, там видно будет.

— А ты что думаешь делать, Беатриса?

— Понятия не имею. Видимо, мне суждено доживать мою жизнь здесь, в Штатах. Имей в виду, я вовсе не жалею, что я американка, более того, таким сожалениям могут, на мой взгляд, предаваться только очень вульгарные люди, и я уверена, что мы — великая нация, нация будущего. Но все же... — она вздохнула, — я чувствую, что моя жизнь должна бы догорать среди более старой, более зрелой цивилизации, в стране зеленых и по-осеннему бурых тонов...

Эмори промолчал.

— О чем я жалею, — продолжала она, — так это о том, что ты не побывал за границей, но в общем-то тебе, мужчине, лучше взрослеть здесь, под сенью хищного орла... Так ведь это у вас называется?

Эмори подтвердил, что так. Вторжения японцев она бы не оценила.

— Мне когда ехать в школу?

— Через месяц. Выехать нужно пораньше, чтобы сдать экзамены. Потом у тебя будет свободная неделя, и я хочу, чтобы ты съездил в одно место на Гудзоне, в гости.

— К кому?

— К монсеньору Дарси, Эмори. Он хочет тебя повидать. Сам он учился в Англии, в Харроу, а потом в Йельском университете. Принял католичество. Я хочу, чтобы он с тобой поговорил, —

я чувствую, он столько может для тебя сделать... — Она ласково погладила сына по каштановым волосам. — Милый, милый Эмори...

— Милая Беатриса...

И вот в начале сентября Эмори, имея при себе «летнего белья три смены, зимнего белья три смены, один свитер или пуловер, одно пальто зимнее» и т. д., отбыл в Новую Англию, край закрытых школ.

Были там Андовер и Экзетер, овеянные воспоминаниями о местных знаменитостях, — обширные демократии типа колледжей; Сент-Марк, Гротон, Сент-Реджис, набиравшие учеников из Бостона и старых голландских семейств Нью-Йорка; Сент-Пол, славившийся своими катками; Помфрет и Сент-Джордж — процветающие и элегантные; Тафт и Хочкисс, где богатых сынков Среднего Запада готовили к светским успехам в Йеле; Поулинг, Вестминстер, Чоут, Кент и сотни других, из года в год вышускавшие на рынок вымуштрованную, самоуверенную, стандартную молодежь, предлагавшие в виде духовного стимула вступительные экзамены в университет, излагавшие в сотнях циркуляров свою туманную цель: «Обеспечить основательную умственную, нравственную и физическую подготовку, приличествующую джентльмену и христианину, дать юноше ключ к *решению проблем своего времени и своего поколения*, заложить прочный фундамент для занятий Искусствами и Науками».

В Сент-Реджисе Эмори пробыл три дня, сдал экзамены с выскомерным апломбом, а затем вернулся в Нью-Йорк, чтобы отсюда отправиться с визитом к своему будущему покровителю. Огромный город, увиденный лишь мельком, не поразил его воображения, оставив только впечатление чистоты и опрятности, когда он ранним утром смотрел с палубы парохода на высокие белые здания вдоль Гудзона. К тому же он был так захвачен мечтами о спортивных триумфах в школе, что эту свою поездку считал всего лишь скучной прелюдией к великим переменам. Оказалось, однако, что его ждет нечто совсем другое.

Дом монсеньора Дарси — старинный, неопределенной архитектуры, стоял высоко над рекой, и владелец его жил там в промежутках между разъездами во все концы католического мира, как какой-нибудь король династии Стюартов, ожидающий в изгнании, когда его снова призовут на престол. Монсеньору было в то время сорок четыре года — цветущий, чуть располневший человек с волосами цвета золотой канители, блестящий и чарующий в общении. Когда он входил в комнату в своих алых одеждах, он напоминал закаты у Тернера и сразу привлекал к себе восхищенное внимание. Он успел написать два романа: один, незадолго до своего обращения, резко антикатолический, а второй — через

пять лет, в котором пытался изменить свои остроумные выпады против католиков на не менее остроумные шпильки по адресу членов епископальной церкви. Он был ярким сторонником обрядов, великолепным актером, уважал идею Бога настолько, что соблюдал безбрачие и неплохо относился к своим ближним.

Дети обожали его, потому что он был как дитя; молодежь блаженствовала в его обществе, потому что он сам был молод и ничто его не шокировало. В другое время и в другой стране он мог бы стать вторым Ришелье — теперь же это был очень нравственный, очень верующий (если и не слишком набожный) священнослужитель, искусный в пустяковых тайных интригах и в полной мере ценящий жизнь, хотя, возможно, и не так уж ею избалованный.

Он и Эмори с первого взгляда пленили друг друга: вальяжный, почтенный прелат, блиставший на посольских приемах, и зеленоглазый беспокойный мальчик в своих первых длинных брюках, поговорив полчаса, уже ощутили, что их связывают отношения отца с сыном.

— Милый мальчик, я уже сколько лет мечтаю с тобой познакомиться. Выбирай кресло поудобнее, и давай поболтаем.

— Я к вам приехал из школы, знаете — Сент-Реджис.

— Да, твоя мама мне писала — замечательная женщина; вот сигареты — ты ведь, конечно, куришь. Ну-с, если ты похож на меня, ты, значит, ненавидишь естествознание и математику...

Эмори с силой закивал головой.

— Терпеть не могу. Люблю английский и историю.

— Разумеется. В школе тебе первое время тоже не понравится, но я рад, что ты поступил в Сент-Реджис.

— Почему?

— Потому что это школа для джентльменов, и демократия не захлестнет тебя так рано. Этого успеешь набраться в университете.

— Я хочу поступить в Принстон, — сказал Эмори. — Не знаю почему, но мне кажется, что из Гарварда выходят хлюпки, каким я был в детстве, а в Йеле все носят толстые синие свитеры и курят трубки.

Монсеньор заметил со смешком:

— Вот и я там учился.

— Ну, вы-то другое дело... Принстон, по-моему, это что-то медлительное, красивое, аристократическое — ну, понимаете, как весенний день. Гарвард — весь замкнутый в четырех стенах...

— А Йель — ноябрь, морозный и бодрящий, — закончил монсеньор.

— Вот-вот.

Так, быстро и на вечные времена, у них установилась душевная близость.

— Я всегда был на стороне принца Чарли, — объявил Эмори.

— Ну еще бы. И Ганнибала...

— Да, и Южной конфедерации. — Признать себя патриотом Ирландии он решился не сразу — в ирландцах ему чудилось что-то недостаточно благородное, но монсеньор заверил его, что Ирландия — романтическая обреченная страна, а ирландцы — милейшие люди и отдать им свои симпатии более чем похвально.

Пролетел час, в который вместились еще несколько сигарет и в течение которого монсеньор узнал — с удивлением, но не с ужасом, — что Эмори не вращен в католической вере; а затем он сказал, что ждет еще одного гостя. Этим гостем оказался distinguished Торнтон Хэнкок из Бостона, бывший американский посланник в Гааге, автор ученого труда по истории Средних веков и последний отпрыск знатного, прославленного своими патриотическими подвигами старинного рода.

— Он приезжает сюда отдохнуть, — доверительно, как равному, сообщил Эмори монсеньор. — У меня он спасается от слишком утомительного агностицизма, и, думается, только я один знаю, что при всем своем трезвом уме он носит по воле волн и жаждет ухватиться за такой крепкий обломок мачты, как церковь.

Их первый совместный обед остался для Эмори одним из памятных событий его юности. Сам он так и лучился радостью и очарованием. Монсеньор вопросами и подсказкой вытащил на свет его самые интересные мысли, и Эмори с легкостью и блеском рассуждал о своих желаниях и порывах, антипатиях, увлечениях и страхах. Говорили только он и монсеньор, а старший гость, по характеру не столь восприимчивый и всеприемлющий, хотя отнюдь не холодный, слушал и нежился в мягком солнечном свете, перебегавшем от одного к другому. Монсеньор на многих действовал, как луч солнца, и Эмори тоже — в юности и отчасти много позднее, но никогда больше не повторилось это произвольное двойное свечение.

«Какой лучезарный мальчик», — думал Торнтон Хэнкок, которому довелось на своем веку повидать величие двух континентов, беседовать с Парнеллом, Gladstoneм и Bismarckом, — а позже, в разговоре с монсеньором, он добавил: «Только не следовало бы вверять его образованию какой-нибудь школе или колледжу».

Но в ближайшие четыре года способности Эмори были направлены главным образом на завоевание популярности, а также на сложности университетского общественного строя и амери-

канского общества в целом, в том виде, как они выявлялись на чаепитиях в отеле «Билтмор» и в гольф-клубах Хот-Спрингса.

...Да, удивительная неделя, когда весь духовный мир Эмори оказался перетряхнут и подтвердились сотни его теорий, а ощущение радости жизни претворилось в тысячу честолюбивых замыслов. Причем разговоры велись отнюдь не ученые, боже сохрани! Эмори лишь очень смутно представлял себе, что такое Бернард Шоу, но монсеньор умел извлечь столько же из «Любимого бродяги» и «Сэра Нигеля», зорко следя за тем, чтобы Эмори ни разу не почувствовал себя профаном.

Однако трубы уже трубили сигнал к первому бою между Эмори и его поколением.

— Тебе, конечно, не жаль уезжать от меня, — сказал монсеньор. — Для таких, как мы с тобой, родной дом там, где нас нет.

— Мне ужасно жаль...

— Неправда. Ни тебе, ни мне никто по-настоящему не нужен.

— Ну, не знаю...

— До свидания.

ЭГОИСТУ ПЛОХО

Два года неудач и триумфов, проведенные Эмори в Сент-Реджисе, сыграли в его жизни столь же незначительную роль, как все американские «подготовительные» школы, придавленные пятой университетов, — в американской жизни в целом. У нас нет Итона, где формируется психология правящего класса, вместо этого у нас имеются чистенькие, пресные и безобидные подготовительные школы.

Эмори сразу взял неверный тон, его сочли высокомерным и наглым и дружно невзлюбили. Он усиленно играл в футбол, проявляя то залихватскую удаль, то максимум осторожности, совместимой с достойным поведением спортсмена на поле. Однажды, поддавшись безотчетному страху, он отказался драться с мальчиком одного с ним роста и веса, а через неделю, войдя в раж, сам полез в драку с другим мальчиком, гораздо более рослым и сильным, и вышел из схватки жестоко избитый, но вполне довольный собой.

В любом начальнике он видел врага, и это, в сочетании с ленивым равнодушием к занятиям, бесило преподавателей. Захандрив, он вообразил себя отверженным, стал искать мрачного уединения и читать по ночам. Страшась одиночества, он завел себе двух-трех приятелей, но, поскольку они не принадлежали к школь-

ной элите, использовал их просто как зеркало, как публику, перед которой позировал, — без этого он не мог жить. Ему было до ужаса тоскливо, до невероятия тяжело.

Кое-какие мелочи служили ему утешением. Когда его заливали волны отчаяния, последним на поверхности оставалось его тщеславие, так что он все же не остался равнодушен, когда Вуки-Вуки, старая глухая экономка, сказала ему, что такого красавца, как он, отродясь не видала. Ему было приятно, что он — самый быстрый и самый младший в футбольной команде; приятно было после оживленного диспута услышать от доктора Дугала, что при желании он мог бы выйти на первое место в школе. Впрочем, доктор Дугал ошибался. Выйти на первое место в школе Эмори не мог — не так он был создан.

Несчастный, загнанный, не любимый ни товарищами, ни учителями — таким был Эмори в первом триместре. Однако, приехав на рождественские каникулы в Миннеаполис, он ни словом никому не пожаловался, напротив.

— Сначала было непривычно, — небрежно рассказывал он Фрогги Паркеру, — а потом все наладилось. Я самый быстрый в нашей команде. Надо бы и тебе поехать в школу, Фрогги. Там просто здорово.

ЭПИЗОД С ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ

В последний вечер первого триместра старший преподаватель мистер Марготсон вызвал Эмори на девять часов к себе в кабинет. Эмори сразу заподозрил, что предстоит выслушивать советы, но решил держаться вежливо, потому что этот мистер Марготсон всегда относился к нему терпимо.

Учитель встретил его с серьезным лицом и знаком пригласил сесть. Потом откашлялся и придал себе нарочито доброе выражение, как человек, понимающий, что ступает на скользкую почву.

— Эмори, — начал он, — я хочу поговорить с вами по личному делу.

— Да, сэр?

— Я приглядывался к вам весь этот год, и я... я вами доволен. Мне кажется, у вас есть задатки очень... очень хорошего человека.

— Да, сэр? — выдавил из себя Эмори. Неприятно, когда с тобой говорят, как с отпетым неудачником.

— Однако я заметил, — продолжал учитель, набравшись духу, — что товарищи вас недолюбливают.

СОДЕРЖАНИЕ

Фицджеральд: легенда и истина. <i>А. Зверев</i>	5
ПО ЭТУ СТОРОНУ РАЯ. <i>Перевод М. Лорие</i>	21
ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ. <i>Перевод Е. Калашиковой</i>	249
НОЧЬ НЕЖНА. <i>Перевод Е. Калашиковой</i>	379
ПОСЛЕДНИЙ МАГНАТ. <i>Перевод О. Сороки</i>	683
ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК. <i>Перевод А. Зверева</i>	799
Комментарии. <i>О. Миклухо-Маклай, Е. Калашикова, А. Зверев</i>	835

Литературно-художественное издание

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД
МАЛОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Александра Савастени
Корректоры Валерий Камендо, Анна Быстрова, Ольга Крылова,
Елена Павлова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 09.04.2018.
Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 53. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА® —
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-AMS-8504-06-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/